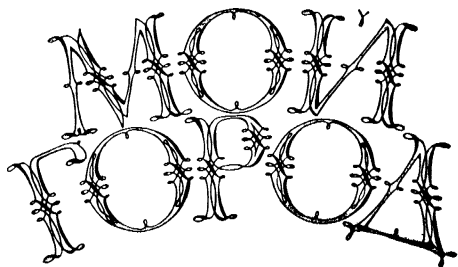

Наталья Карпова

МОН
ГОРОД

Наталья Карпова

Книга стихов

ЛЕНИЗДАТ 1981

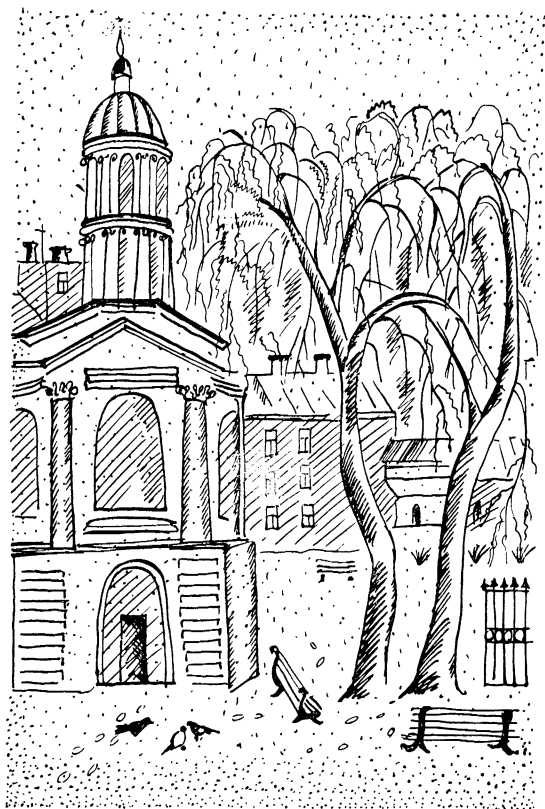
Карпова Н. И.

К26 **Мой город: Книга стихов. — Л.: Лениздат, 1981. — 60 с.**

«Мой город» — третья книга стихов ленинградской поэтессы. Ленинград в стихах Н. Карповой поэтичен, его настоящее тесно связано и с прошлым, и с будущим. Тема города легкими штрихами вплетена в ткань стихов о любви, доверии, верности.

К 70402 4702010200—013 156—81
М171(03) — 81

84.3(2)7
© Лениздат, 1981

Доверяю тебе...

* * *

Мы светим —
и вся наша жизнь горяча,
Как эта,
горящая ночью свеча.
А ветром задует —
мы вспыхнем опять,
Чтоб пламенем
близкие души обнять,
Пространство объять
и закончить свой труд.
Пусть к нашему свету
другие придут!

* * *

Любимый мой, единственный мой город,
Я — дочь твоя, живая часть твоя.
Мне не нужны вселенские просторы
Во времени, — здесь место бытия.

Здесь знает обо мне Адмиралтейство,
Привыкла набережная к моим шагам,
Пусть не святое — здесь мое семейство:
Огонь горит друзьям,
и места нет врагам.

* * *

Глаза свои пытаюсь обуздать, —
Они жадны, они не знают меры,
Они глотают улицы и скверы,
Твердя, что слишком страшно опоздать.

Глаза мои, усните до утра,
Пусть в немоте душа моя прозреет,
Как через сито, сквозь себя просеет
Десятки слов,
и дрогнет до нутра.

* * *

Тебе я поверяю город мой,
Его мосты, и площади, и реки,
Его музеи и библиотеки, —
Увиденный, прочитанный, родной.

Тебе, любимый, доверяю я,
И ты мне доверяй. Любовь — доверье.
Вот — в новый год мы открываем двери,
Оборваны листки календаря.

Пока мы живы и пока друзья
Разделят с нами радости и беды,
Огни застолья и вино беседы,
Богаты мы, богаче быть нельзя.

Богатство братства доверяю я
Тебе, любимый. На пороге года
Взгляну в окно — метельный зимний город,
Огни машины, отсвет фонаря.

Тебе, любимый, доверяю я.

* * *

Есть единенье душ, и это больше,
Прочней и выше единений прочих.
Есть единенье радости и боли,
Похожесть речи и похожий почерк.

Как дорожу я нашим единеньем!
Не разменяю и не променяю,
Не заглушу ни годом, ни мгновеньем,
Которыми судьбу переполняю.

Как дорожу я нашим единеньем!
Одну дорогу порознь пролагали
К движенью нравственному, миропостиженью —
Из пережитых дней — в другие дали.

* * *

Мой город, переживший ад
Блокады,
 все еще больной
Воспоминаньями, —
 такой
Объят сегодня тишиной,
Что кажется,
 трамваи спят
И замер транспорт городской,
Чтоб полной грудью Летний сад
Дышал
 и чтоб Нева могла
Подумать о минувших днях —
Руках, ведерках и санях...
И вспомнить смерть,
 и вспомнить страх.

Ты видел, как разводятся мосты?
Неспешно, плавно поднимают крылья
И замирают,

словно нет усилья, —
Естественны движенья и просты.

Так ночь за ночью,
пусть открыв судам
Как бабочки, парят мосты ночные,
И кажется, паришь душою сам,
Обнять пытаюсь берега речные.

Нева окна почти касается,
Нагнусь — и зачерпну воды.
А в городе уже смеркается,
И все же за окном видны
Две полосы трамвайной линии,
Трамвайчик красный на мосту...
Но позовут меня по имени,
Как будто кликнут за версту.

Я обернусь и в удивлении
Догадок легких наплету,
И, как по щучьему велению,
Поймаю радость на лету.

Как легко — перейдешь через мост,
Позабудешь о сбывшемся ныне.
И решишь не хватать с неба звезд
Прежней муки и страсти во имя.

Обойдешь Петропавловский пляж,
Жадным взглядом вмещая в сознание
Дом ученых, мосты, Эрмитаж,
Каждый портик и каждое здание.

Здесь как будто вдали и в тени
От случайностей, встреч, разговоров...
Но да сбудутся все мои дни!
И да будет всегда этот город!

* * *

Нева, Нева!

Стократ тебя воспели,
 Но встреча каждая с тобой нова.
 И ветрено, и чувства на пределе...
 Такой простор, такая синева...
 Аорта города,
 судьба моя — Нева.

* * *

Со стапелей Балтийского завода
Уходят корабли.
Морской мой город,
нет верней залога,
Чем мирный путь судов вокруг земли.
Припомни, присмотрись:
к Петровской верфи
Ведут дороги вспять,
а от нее — сюда,
К тебе, родной, морской,
балтийский ветер,
Подхватывающий суда.

Кораблик, символ города, —
на шпигеле
Адмиралтейства, легкий, молодой.
Мы в море жизни,
где шторма и штили
Так часто именуются судьбой.

ДОМ

Не примечательный ничем,
Послевоенного рожденья,
Стоит мой дом — и глух, и нем,
И полон отчужденья.

Совсем меня мой дом забыл
И узнавать не хочет.
А я судьбы своей азы
Читаю между строчек.

Я заучила назубок
Подъезд, число ступенек,
Квартиры номер, дверь, глазок,
Нужду, нехватку денег.

Я и сейчас хочу взлететь
На тот этаж четвертый,
Но кто откроет мне — бог весть,
Мой век здесь перечеркнут.

И вспоминаю детство я,
И жизнь полна значенья.
Плачу за чашу бытия
Ценою возвращенья.

НА УЛИЦЕ ДЕТСТВА

1

Навстречу мне по улице Тамбовской —
Две тоненькие ножки, словно спички,
Два бантика, две рыжие косички,
Пальтишко старенькое и портфельчик плоский —

Идет девчонка.

Я замру в испуге,
Но глаз не разгляжу из-за веснушек.
И все ж она заглянет прямо в душу,
Девчонка, — те же плечи, те же руки...

Я именем своим ее окликну,
И улыбнется, скажет: «Наконец-то
Ты вспомнила себя.

Плохое средство, —
Клин времени не вышибают клином».

Я думала, что двадцать лет в судьбе
Установили новое движение,
Все было — и потери, и свершенья,
Но вот вернулась я к самой себе.

И если книгу детства перечесть
И книгу юности мне перечесть удастся,
Утраченное возвращу богатство,
Забытое, оставленное здесь.

2

Я ошибалась, было все не так.
Действительно, девчонка шла навстречу —
Такие же веснушки, руки, плечи...

И показалось мне, что это знак
Вновь возвратиться в детство,
перечестъ

Неделю за неделей, миг за мигом
Заброшенную в дальний угол книгу —
За песней песню и за вестью вестъ.

И увидала я отца, и мать,
И столик письменный, где мир мой
громоздился...

То распадался он, то возводился, —
Мне нравилось губить и воздвигать.
Уже в то время страстью игрока
Охвачена была, как лихорадкой,
Я мучилась и билась над тетрадкой,
Разгадывая тайны языка.

Врывалось время, превращая в прах
Всех вымыслов моих несовершенство,
Чтоб вот теперь вдруг ощутить блаженство,
Увидев девочку с портфельчиком в руках.

* * *

Помню, в час беззаботный
Мы с друзьями спешили
На пустынный Обводный,
Где поблизости жили.

А потом разбредались
По домам в одиночку,
И прощанье старались
Выпивать по глоточку.

И никто не заметил,
Сколько лет миновало, —
Тот же вечер и ветер
Над Обводным каналом.

* * *

Как быть чему, того не миновать,
И не впервой мне шишки набивать,
Как в детстве, — в кровь и локти, и колени.
Но я теперь — другое поколение,
Другие ссадины болят сильнее,
И от потерь сознание леденеет.

А детство никогда не заживет...
Бегу, нелепо выпятив живот, —
Куда, куда бегу, не зная смысла?
Куда? — Навстречу времени, вперед,
Пока волною памяти не смыло.

Давно другие ссадины болят,
А будущее, словно дикий сад —
Заброшенный, дурманивший, пьянящий...
Но день еще не прожит настоящий,
Он столько сил душевных заберет...
Бегу навстречу времени, вперед.

* * *

Легко затеряться в тумане
И думать, что это во сне:
Дорога петляет, дурманит,
И странно, и дрожь по спине.

Весь город окутанный тайной,
А может быть, кажется так, —
Ведь линии нету трамвайной,
Автобус ушел в полумрак.
Убавили свет рестораны,
И спрятался в сумерках дом,
А время идет сквозь туманы
С улыбкой в лице молодом.

В БИБЛИОТЕКЕ

За окнами уж голые стволы,
А здесь большие голые столы,
Но книги принесут,
и станет здесь
Смещаться день во всем,
что только есть.
Заплачу или тихо засмеюсь,
А зачитавшись, даже поделюсь
С героем книги думою своей
И с автором давно минувших дней.
Забудусь в книге и забуду я
Людей склоненных, день календаря.
Очнусь — вот профиль, впереди — спина,
И золото волос, и седина.
Здесь сам читальный зал хранит покой
Читающих, летящих над землей,
И знаю, что я тоже среди них,
Как книга, что читаю, среди книг.

* * *

Даль замирала, как ладонь
Над пламенем, и откровенья
Сжимали жизнь в стихотворенье,
Где ветер жег, взлетал огонь,
Менялось небо на глазах,
Врывался дождь и ветер вторил...
И радость заменяла горе,
И тесно делалось в словах.

* * *

Станция, повизгивая, встретит,
Люди растворятся в тусклом свете
Сонных станционных фонарей...
Только чей-то смех и чей-то говор...
Я тебя зову — скорей, скорей
Спрячемся,
а то нахлынет город.

Разлинован снег передо мной,
Уплыла платформа за решетку.
Как легко похрустывать ногой,
Отчеканив зимнюю походку,

И вбирать в себя тайком от всех,
Прячась от квартирных одиночеств,
Бесконечный, сумасшедший снег
На краю январской этой ночи.

ЗА ГОРОДОМ

Заклучена
 в нехоженный квадрат.
Скращение шагов
 замечено.
Там,
 на десятом плане, —
 Ленинград,
Где вращается
 судьбы веретено.
А здесь — берущий за душу
 покой,
И в снег нетронутый
 ступаю я ногой.

МАСТЕР ЗИМНИХ ПЕЙЗАЖЕЙ

Мастер зимних пейзажей,
Безымянный голландец.
 Взгляни,
Вот висят в Эрмитаже
Две работы немного в тени.

Отчего ж не минуем
Столь знакомые два полотна?
То по льду протанцуем,
То замрем у чужого окна?

Может быть, оттого-то
И волнуют, и радость дают
Две простые работы —
Зима в незнакомом краю,

Что поэзия даже
В этом имени светлом, сквозном —
«Мастер зимних пейзажей»...
Эрмитаж,
и зима за окном.

* * *

Тебя,
как десять лет назад,
Увижу, вспомню я
Тревожный смех,
тяжелый взгляд,
Февраль,
вечерний Ленинград...
О, я восстановлю тот год
И без календаря.

На Невском, как всегда, народ,
Морозно и знобит.
Кружит снежинок хоровод,
Твое лицо в толпе плывет,
В темницах глаз огонь и лед...
О, скоро город разведет —
Навек соединит.

* * *

Нет в городе тебя...
«Нет» — слова глубина
Холодная
уже
не обморозит губ.

Ни стула, ни стола, ни двери, ни окна
Я помнить не хочу,
 не помнить не могу.
Стоит же этот дом,
 как окрик за спиной,
Но я не обернусь,
 а лишь ускорю шаг.
Забыть, забыть, забыть
 хочу любой ценой.
Нет в городе тебя,
 а боль еще свежа.
Стоит же этот дом.
 И Кировский проспект —
В мир памяти моей
 живая магистраль.
Нет в городе тебя,
 я понимаю, — нет,
Но, словно след ища,
 все вглядываюсь в даль.

* * *

Дорогой мой, знаю, не права,
Горяча, рублю с плеча, —
пора
Знать, бросаюсь фразами пустыми,
А потом твое целую имя.

Не права бываю, ты прости,
Пепел времени держу в горсти.
А любовь жива, любовь бесценна
В долгой жизни,
 что и впрямь мгновенна.

* * *

Февральской оттепелью

снега и дождя

Намешано,

сосульки плачут,

лужи

Обходит толстощековое дитя, —

И нет уже примет вчерашней стужи.

И кажется, стихии производ

Дом унесет в промозглое болото,

А женщина идет, как ледакол,

Сквозь снег сереющий в знакомые ворота.

Устойчивость ее в плывущих льдах

Контрастна настроенью непокая

И слез, что остаются на губах

От снега тающего,

горького настоя

Тоски.

И от предчувствия весны,

Когда в душе такая ж непогода,

Но там мосты и шлюзы снесены

Во имя слова и стихам в угоду.

* * *

Над городом моим летит февраль —

И двадцать восемь у него мгновений.

Но вместе с памятью уходят вдаль

Печаль и радость новых повторений.

И лишь четыре выдавшихся дня

Помедлят, чтобы помнить воскресенье,

Чтоб в вихре века все же пить до дна

Раздумий тишину и ветра дуновенье.

* * *

Голое дерево ластится кожей ветвей
К дому, к окну,
 где настольная лампа похожа
На золотистое солнце
 и в спектре лучей,
Кажется дереву,
 греется голая кожа.
Тело мое оплетают ветви.
 К ногам
Корни деревьев цепляются
 и прирастают.
Вены тотчас разбухают
 подобно хрящам,
Кровь мою
 дерево
 кровью своею питает.
Полно, открою глаза —
 наважденье растает.
Комната, лампа настольная,
 было — и нету.
Только вот ноги
 все глубже в землю врастают,
Только вот руки
 к солнцу тянутся, к небу.

* * *

Текут, текут мне улицы навстречу,
Улыбки, голоса, обрывки речи...
В веселом нескончаемом потоке
И мы, частички вечности живой,
Не брошены никем, не одиноки —
В одной реке течем
 по стрелке часовой.

Мелькнут в толпе знакомые черты,
Их улица промчит быстрей, чем ты
Опомнишься.

И вновь пальто, шинели,
Зонты, портфели,

крики, слезы, смех...

И все, что видим мы, на самом деле —
Восьмидесятые года.

Двадцатый век.

* * *

Вот дерево, еще совсем нагое,
А корни на пригорок положило,
Как древний старец на колени руки.
Ветрами плоть его насквозь прошило,
Но странно — состояние такое
Привычно дереву и болью не грозит.
Оно ветвями тянется к округе,
Как будто в даль, задумавшись, глядит.

А даль приходит с четырех сторон —
Рекой, тропой, домами, пустырем...
И дерево стоит, как верный страж
Над постоянством, иль судьбу пророчит,
Ветвями обнимая дни и ночи
И нам прощая век короткий наш.

ПОРТРЕТ

Вновь загляжусь я на портрет,
Написанный в начале века.
Там женщина сидит легко,
В ее руках не вянет ветка,

И молодо ее лицо.
Внизу какая-то пометка,
Но подписи не разобрать.
Ей на портрете двадцать пять,
А мне стареть, опережать
Замкнувшееся в рамку время.
Заботы, думы, настроенья
Уж дело делают свое,
И жизнь моя летит,
а рядом
Она и взглядом узнает,
Мне кажется, и боль, и радость,
И дней моих круговорот.

Когда присяду у стола,
Как бы услышу: «Я ждала,
Оставь дела, побудь со мною,
Я тоже женщиной земною
Была».

* * *

Передай свое виденье нам,
помоги нам, художник,
Разгадать композицию дня
и структуру звезды,
Населяй же холсты,
пусть шагает по свету треножник,
Улыбаются дети,
позируют травы, плоды.
Чтоб и в сумрачный час
захватила безудержность красок
И чужие глаза
прямо в душу смогли заглянуть.

Чтобы древний старик
или, скажем, мальчишка-подпасок,
Словно встретясь в пути,
показали нам
правильный путь.

* * *

Дом, где сходятся друзья
Скоротать воскресный вечер,
Ни с одним сравнить нельзя.
Он рекой увековечен.
Мойка медленно течет,
Фонари горят неярко,
А напротив — Деламот
У воды поставил арку.
В этот вечер над рекой
Чувство времени пропало,
Жизнь проходит путь сквозной
Вдоль по рекам и каналам.
Заглянуть бы, зачерпнуть
В памяти былых столетий,
Повторяя чей-то путь,
На этаж взбегая третий.
Там, на третьем этаже,
У друзей звенит посуда,
Но так ясно на душе,
Что не хочется отсюда.

* * *

В квадрат окна заключено пространство —
На фоне неба крыша и труба.
О, как прекрасно это постоянство
И как необходимо иногда!

И кажется, изменчивость любая
Пред этой простотой не устоит,
А даль, в оконной раме застывая,
Задумчивою вечностью горит.

НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ

Что он тебе, — многократно воспет
Лучшими, нежели ты.
Что он тебе, этот Невский проспект,
Мойка, Фонтанка, мосты...

Милые реки, канал, толкотня,
Невский — людская река.
Дня не прожить, так и тянет меня
В эти войти берега.

Кажется, знаешь давно назубок
Входы и выходы все,
Зданья и каждый лепной завиток
С детства знакомы тебе.

Трудно приблизиться к теме, познать
То, что за внешней чертой.
Что же так тянет опять и опять
Этой пройти мостовой?

Словно надеешься, вот — озарит
Радость увидеть полней
Небо над городом, невский гранит,
Тени великих людей.

Как мы молоды, свободны
Старым городом бродить,
То Фонтанкой, то Обводным
Круг событий обводить.

И судьбою нам дается
Петь и плакать над Невой,
И родиться здесь, сдается,
Выпал жребий золотой.

Над темной водою канала
Замру, отраженья ловя
Склонившегося фонаря
Над темной водою канала.

Висит полумесяц кривой
Над темной водою канала,
Как будто из пьесы другой,
Для празднества иль карнавала.

Над темной водою велик
Мой город. Над темной водою,
Наверное, люди вели
Веками беседы с собою.

Над темной водою канала
Пульс времени бьется в висок.
Вся жизнь — только несколько строк
Над темной водою канала.

* * *

Годы — как проходные дворы,
Прохожу их насквозь, возвращаюсь...
Но уже выхожу из игры
И с друзьями почти не встречаюсь.

Я в дороге отстала от них,
Может быть, пропустила удачу,
И годами пишу черновик,
А они уж решили задачу.

* * *

Р. Вдовиной

Моя подруга любит лошадей,
Рисует их, наверное, лет двадцать.
Пылит табун, стучат копыта... гей!
Навстречу мчат, куда от них деваться?

Придешь к ней в гости — смотрят со стены
И дышат в щеки теплыми ноздрями,
Здесь лошади трудяги, скакуны,
Как старые знакомцы рядом с нами.

Набросков кипы...

Смотрим, говорим,
А лошади глядят нетерпеливо,
Когда же в путь?
Прильнуть пора бы к ним,
Вскочить в седло,
вцепиться цепко в гриву.

Но мы молчим об этом.

За окном

Темнеет петербургский двор-колодец.

Наброски смотрим,

чай остывший пьем,

И мне пора к трамваю, на морозец.

ДОМ ВЕТЕРАНОВ СЦЕНЫ

На Петровском острове, 13,

Часто навещаю я друзей,

Дом, который знают ленинградцы,

Это — Дом актеров, дом — музей.

Старость сразу обнажает раны,

Но какие бури за спиной!

Ветераны сцены, ветераны

Жизни с серебристой сединой.

Ворон Яшка ищет подоконник,

Где в кормушке ждет его обед,

А старушка ищет подлокотник,

Плечи завернув в мохнатый плед.

То очки теряет, то блокноты,

И бранит, разыскивая их,

Ворона, склероз, свои просчеты,

Ворох листьев красно-золотых.

Осень на Петровском.

Мостик.

Город,

Кажется, кончается водой.

Женщина идет, и листьев ворох

Вьется лентой красно-золотой.

Жизнь в скитаниях по свету,
и страданий горький привкус,
Жизнь в скитаниях по свету,
и страданий привкус острый
(Разгоралась сигарета...), —
здесь последний порт
и пристань
(Чай заваривался крепкий...) —
Ленинград.
Петровский остров.

Но, смеясь, не досмеялась,
говоря, не досказала.
Вместе с женщиною старой
дней разгадывали ребус.
От далекого начала
до последнего бокала
В гости к ней
и в путь последний
Все везет меня троллейбус.

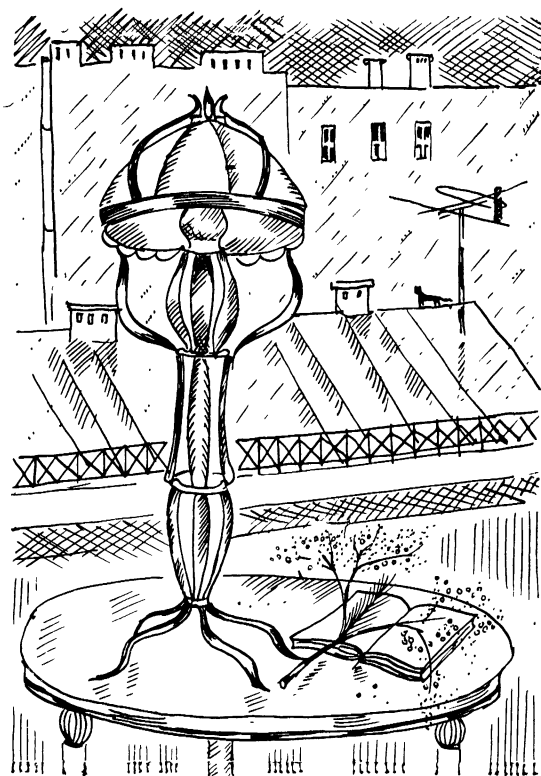
* * *

Трудна задача жить легко,
И невесом лишь час прозренья.
Все, чем живем, уже легло,
И не в одно стихотворенье.

Но даже в переключке тем,
В преемственности прежних правил
Столь многое дается всем,
Что кто сумел,
тот след оставил.

За праздничным столом
мы вспоминаем будни,
За будничным столом
мы праздник воспоем
С его весельем, музыкой, вином...
Где сами и смелей и безрассудней,
Особенно, когда со стороны
В день будущий
хотим взглядеться мы.

А жизнь и есть,
 по сути дела, праздник,
Каким бы горьким ни было вино,
Какое горе ни было б дано,
Непостижимая в своем многообразье, —
Короткий дарит путь горения и страсти.

*Разлук и встреч
печаль и радость...*

ОСЕНЬ

Осень — праздник печали...

Но в юности не было часа,
Чтоб насытиться красками

парков, бульваров, лесов,
Потому что делился мой день на неравные части —
Институт и работа, а отдых — каприз величайший,
Без которого я обходилась в конце-то концов.

Радость — осень любви,

но как быстро она пролетела,
От любви я ослепла тогда

и прозрела с трудом.
Денег не было — жадная молодость много хотела,
Дома не было — комнату сняли внаем,
Но мы были богаты, мы были с тобою вдвоем!

Прошлогодня осень...

Да разве я помню так остро
Щедрость красок осенних

и листья в закатных лучах.
Лбом прижавшись к стеклу, я смотрела на них,
как с откоса,
А четвертый больничный этаж только множил
вопросы
О судьбе и о жизни...

Но кто-то в окошко кричал,
И ему отвечали оттуда, где осень дышала.

Мне тогда показалась возможность пройти по земле
Высшей радостью, чудом...

И нужно мне было так мало —
Хлопнуть дверью больничной,
забыться в осенней листве,
Ощущая свободу, и видеть в лихом мотовстве
Танец масок, огни и причудливый строй карнавала.

От раздумий очнусь — снова осень стоит за окном,
Опыт долгим дается гореньем, страданьем, трудом.

* * *

Осенью, когда оголены
Ветви, но листвой еще усеян
Каждый метр пути, — увы, увы,
Чаще замечаем, что стареем.

Дворник, словно лодочник, плывет,
Но метла, сгоняя листья в стаю,
Отступает, вновь они в полет
Рвутся — и летают, и летают...

Голубь вперевалочку в листве
Бродит, будто шеф большой конторы.
В этом листопаде, в мотовстве
Жизни — все повторы и повторы...

Вот уже чернеет голый клен,
Подниму еще живой листочек,
И во мне нерв жизни оголен,
Осень, как мне близок этот почерк!

Я — тот дворник, что в потоке дней
Пробует остановить движение,
Донкихотствуя среди теней
И работая до одуренья.

В ЛЕТНЕМ САДУ

Веток убранство
 багряными красками манит,
Но облетает листва,
 ковыляют деревья в тумане.
Сад и такой —
 беззащитный, вмурованный в осень —
Сердце щемит
 и знакомую радость приносит,
Словно живая душа
 здесь давно обитает —
Плачет, шумит, шелестит
 и стихи повторяет.

* * *

Приметы города знакомые,
Как для ребенка встреча с буквами.
Знакомо реки льдом закованы
И булочные пахнут булками.

Но каждый раз открытие города
В любую пору, как наитие.
Среди движения и говора
Он все не может напоить тебя.

* * *

Я загораюсь только на мгновенье,
Пока еще ни верности, ни лжи.

Спешу, пока не мучают сомненья,
Меня веселым танцем закружи
И напои вином стихотворенья.

Ты не приехал, позабыл в два счёта,
А я уже с утра к окну прильнула —
Не ты ли выйдешь из-за поворота?..
Но словно надо мной смеялся кто-то —
День пролетел и вечность промелькнула.

Невелика цена вчерашним клятвам,
Рукам летящим и словам проклятым,
Как сор, их выметаю за порог.
И не хочу, и не ищу возврата
К дням сумерек, сомнений и тревог.

* * *

Я тихо от тебя иду,
И город царственно спокоен.
Светло — и весь он на виду;
Он сотворен, а не построен.

Я тихо от тебя иду.
Все кончилось. Теперь начнется, —
И за вчерашний день в бреду
Мне днем сегодняшним зачтется.

Так тихо дышится душе,
Как будто вымерло страданье.
И, как штрихи на чертеже,
Впечатаны в пространство зданья.

Сознание ясно. И все ж
Так пусто, что готова вскрикнуть.
Заиндевелых веток дрожь...
И к городу все не привыкнуть...

Подумать только — ни следа любви,
Верней, любовь еще сильнее прежней,
Но лишь к душе
 летящей, жаркой, грешной
Любовь души.
 Летит к тебе, лови
Дыхание!
 Походкою небрежной
Пойду к друзьям
 и даже не взгляну,
Какой ты нынче, знаю — неизбежный,
Благословивший лишь меня одну.

* * *

Никто не учил расставанию,
Никто не сводил, не держал.
Мой голос тогда по незнанию
Срывался, ломался, дрожал.

Бежала тогда от ответа,
Себе ничего не сказав,
А нынче цыганю по свету,
Разлуку узлами связав.

* * *

И если скажут вдруг друзья,
Что у тебя открыты двери,
Что удалась твоя семья,
Что счастлив ты, — я не поверю.

Я просто выйду на мороз,
Увижу небо голубое
И буду падать под откос —
Стоять с закушенной губою.

* * *

С пятницы — пополам.
Это ты говоришь,
Это ты громозишь:
С пятницы — пополам.

Пятница —
Значит назад попятиться,
А ты говоришь...

Откроешь двери,
Выметешь хлам
Моих суеверий.
Но не удастся нам
С пятницы — пополам.

Словно две лодочки, скорлупки расколотого
Ореха грецкого, —

по волнам

Времени

гонит нас ветер смолоду,

А ты говоришь:

с пятницы — пополам.

Скорлупки одного расколотого ореха,
Мы встретились,

чтобы расстаться нам.

В разные стороны

гонит нас ветер века,

А ты говоришь:

с пятницы — пополам.

Память по пятницам плачет,
Горькой слезою горячей
Я умываюсь в этот день по утрам.
А ты говоришь:
с пятницы — пополам.

* * *

Никогда, никогда
уже больше тебя не увижу,
Даже самую мысль
не приемлю, гоню, ненавижу.
Но она возвращается,
мухой назойливой вьется,
«Не увижу, — жужжит, — он уже никогда
не вернется».

Никогда, никогда
уже больше тебя не увижу,
Даже самую мысль
не приемлю, гоню, ненавижу.
Хорошо — я внушаю себе, —
коль тебе хорошо.
Но душа все болит —
не прошло,
не прошло,
не прошло...

В ДОЖДЬ

Вдруг, прорвавшись наружу,
Разбушуетя всласть,
Но омоет ли душу?
Успокоит ли страсть?

Или впрямь с головою
Бросит в сон наповал,
Чтоб в обнимку с судьбою
Все на свете проспал.

* * *

Не стану о любви кричать,
О, родина моя, я часть
Твоей души живой.
И если выпадает час
Мне помолчать с тобой,
Я понимаю во сто крат
Сильней, что значит друг и брат.
А небо сквозь листву
Течёт, и облака пьянят
И тянутся к лицу.
Быть может, тем и хороша
Многострадальная душа
Моей родной земли,
Что прикоснешься к ней — свежа,
Хотя идёшь в пыли.
Вот — рядом бабочка вспорхнёт,
Вот — пчёлы собирают мёд,
Вот — строят муравьи...
И жизнь у всех полна забот,
И боли, и любви.

ИЮЛЬ

Летний месяц июль обжигает жарой,
Летний месяц — жар-птицей мелькнул и исчез.
Море в памяти гонит волну за волной,
Кружит голову хвоей и травами лес.

Промелькнут крылья бабочек, крылья стрекоз,
Разгорится рассвет, встанет солнце в зенит.
А потом сенокос, сенокос, сенокос...
Этот месяц июль все поет и поет,
Этот месяц июль все звенит и звенит
Круглый год, нет, всю жизнь напролет.

* * *

Под Вологду, в Кирилловский район,
В деревню,

собираюсь долгий год.

Но то письмо задержит почтальон,
То грипп, а то и дел невпроворот.

И странно, что чем более стремлюсь,
Тем чаще оставляю на потом.

А в Вологду, в мою родную Русь,
Душою тянет, словно в отчий дом.

И кажется, что старая изба
Друзей, где круглый год они живут,
Не дальше законного столба
И до деревни несколько минут.

И кажется, что вечером на свет
Летят их голоса и говорим...
Или в малейшей из земных планет —
В деревне —
у костра глотаем дым.

* * *

В мой день рожденья целый день лило,
Хлестало по траве, в окно, в лицо,
А в воздухе лиловом, как вино,
И небо, показалось мне, — пьяно.

Я вышла, застегнула дождевик
И, вглядываясь, встала на порог,
Мой год границу года пересек,
И дождь в меня врывался напрямик.

И долго за меня земля пила,
А небо подливало в сотни чаш,
И дерево, и поле, и пчела —
Всем было вдосталь в этот странный час
Рождения.

Как много жизнь дала!
И долго за меня земля пила...

* * *

Голоса дорогих мне людей
Изучила неплохо.
Но один только был соловей
В молодую эпоху.

И сейчас, тыщи дней миновав,
Слышу плач соловьиный.
Голос ветра, и моря, и трав
В нем слились воедино.

* * *

Памяти отца

Старая шляпа отца изрядно потерта,
Вышла из моды.
Нету отца средь живых, а шляпа осталась,
Но не нужна никому.

Нужен отец —

Жест его, голос,

Взгляд...

Даже нужнее теперь, чем — когда был.

Шляпа осталась, а старая жизнь раскололась,

Дни, как орехи,

Щелкунчик в зубах раздробил.

Выбросить шляпу отца невозможно, отсохнет,

Кажется, сразу рука.

Кто же, когда я умру, возьмет себе шляпу,

Старую шляпу умершего старика?

Кто же, когда я умру,

Возьмет мои вещи?

Нету детей, а друзьям ни к чему этот груз.

Шляпу отца

носит памяти призрак зловещий,

Только со мной заключил этот призрак союз.

Вещи — приметы живого,

смеяться и плакать

Нас заставляют.

И прошлого тянет магнит.

Пепельница, и пиджак, и старая шляпа... —

Каждая дышит, и слушает, и говорит.

* * *

Я отца похоронила,

Далеко его могила,

За чертою городской,

За чертою, за чертой.

Но остался он живым,

На своем сидит диване,

На столе вино в стакане,

Папирос привычный дым,

Бой за шахматной доской
Каждый божий день-деньской.

То прикрикнет, то погладит,
То расскажет анекдот,
Все, что накопилось за день,
И подарит, и возьмет.

Что же с нами будет, мама?
Рана ноет, ноет рана...
И нашел ли он покой
За чертою, за чертой?

* * *

Не то что детство —
 молодость уходит,
И мне порою страшно сознавать:
Вот день прошел, и мы ложимся спать,
А в землю та же улица уводит.
Скорей, успеть — доделать и простить!
Мой мозг и вправду долго болен этим —
Хоть слабый свет зажечь на белом свете,
Пока не время свечи погасить.

* * *

Покамест я в пыли библиотечной
Заглядывала в прошлые века,
Извлечь пытаюсь зерна истин вечных,
Соткать рассказ с усердьем паука, —
Летели дни и годы счет вели,
Но я их между пальцев пропустила,

Я радостей земных огонь гасила —
Так жгло мне душу прошлое земли.

Очнулась я — в коробках картотек
Осталась юность,
 а теперь вот — зрелость
Не хочет ничего,
 что мне хотелось,
И рвется в тишину библиотек.

* * *

Мы выйдем из подъезда в город,
Заговорим о том, о сем,
Ты расстегнешь высокий ворот,
Я душу распахну плащом.

Десятки уличных примет
Прильнут привычными словами,
И мы найдем себе ответ —
Зачем мы здесь?
Что будет с нами?

А где-то
 выше наших глаз
 Деревья в небе покачнутся,
 И суета уйдет из нас,
 Чтоб дать забыться
 и очнуться.

* * *

За шесть лет случайных встреч,
Неслучайных отчуждений
Трудно прошлое сберечь —
Столько новых ощущений
Насыщает нашу речь.

Филармония, канал,
Львиный мостик в день воскресный —
Яркий танец, карнавал
Прошлого, в котором тесно.
Дальше в памяти провал.

В первый раз за долгий срок
Мы с тобой разговорились,
Понимая между строк.
Наши мысли повторились
И застали нас врасплох.

Потому что за шесть лет
Ни с одним из тех, кто рядом,
С кем делили соль и хлеб,
Так не обменялись взглядом,
Так не говорили, нет.

* * *

В том городе, где наши судьбы,
Как две реки, переплелись,
И подсудимые и судьи
В нас так естественно сжились,
Что оправдать себя труднее,
Чем оправдаться. И молчать
Отныне кажется мудрее,
Чем закричать...

* * *

Как ты снишься мне!

Потом встаю,
Говорю: то был не сон — не прячься.

Вот сейчас я кофе заварю,
Сядем рядом в память сопричастья.

Но пустынен встретившийся день,
И твое лицо во мне тускнеет.
Каждый сон твою приносит тень,
Каждой ночью ближе и теснее
Мы друг к другу. Отстранюсь опять,—
Люди за окном своим подвижны
Направленьем, и не время спать,—
Впереди деревья и машины,
Город, убеленный январем,
И тебя в нем нет и быть не может.
Хорошо, что ты не снишься днем,
Потому что каждый день наш прожит.

* * *

Слова, которые приберегала я,
Накапливала, каждый звук ловя
И проверяя временем,

но все же
Не смела их произнести (родник
Души — слова к тебе), —

расхожи
Теперь, и не узнаешь ты о них.

Стихи, которые тебе посвящены,
Отныне адресата лишены.

«Как мог уехать ты, —

кричу, — как мог ты?!»

Я снова в звуки превращу слова,
Пока дойду от Смольного до Охты,
Пока не остудит души Нева.

ВТОРАЯ ШКОЛА

Журнал «Звезда», редакция журнала,
С тобой и вправду связано не мало —
ЛИТО, стихи в вечерний час зимой,
Потом, в мороз, — прогулка два квартала,
А там — метро, и дальше — мне одной.

Постой, о память, возвратимся в залу,
Здесь люстры освещают вполне накала
На стенах деревянную резьбу,
Рояль в углу и, словно у вокзала,
Поэтов суматошную гурьбу.

Походкою по-молодому бравой
К столу подходит постаревший Браун
(Стол биллиардный служит здесь столом),
И, обуздав шумливую ораву,
Он говорит: «Стихи! Дела — потом».

О, сколько боли, ревности и страха,
Игра на поле, ощущение краха,
И вновь победы белое крыло.
Пожалуй, не начала, а размаха.
Весенний Летний сад, пруды, Крылов...

И вдруг любовь нахлынула. А впрочем,
Любовь прошла, и будет стих неточен,
Коль сделаю попытку воссоздать.
Любила ли тогда? — Любила, очень...
Свидетельницы — не одна тетрадь.

Журнал «Звезда» — моя вторая школа,
Не хлеба ради, а души, глагола.
Содружества и мужества пора.
И если жизнь не все перемолола,
То свеч сгоревших стоила игра.

СЛУШАЯ СТИХИ

1

Поэты читают стихи,
Звенят голоса,
И я закрываю глаза:
Деревня, кричат петухи,
И женщина быстро встает,
Выходит во двор,
Пьянит ее воздух, простор,
Так чист небосвод,
Что весело ей без причин
И жизнь хороша...
Спешит, мельтеша,
Малыш, мужичок, ее сын.
Березы шумят, тополя...
Что жизнь наша? Поле труда.
И видим — поля и луга,
Луга и поля.

2

Их этих стихов до других —
Рукою подать!
Открыта тетрадь,
И город великий притих.
На Мойке, 12, не спят,
Жив Пушкин еще,
Но время кроваво течет,
В нем лучших — казнят.
Вот мост над Невой разведен,
Висят два крыла,
А ночь так бела...
Над бездной времен
Она — словно мост навесной.

Спуститься ли? Нет, подождем.
Что жизнь наша? Спуск и подъем
В дороге земной.

* * *

Сохранились традиции наши
О стихах вечера напролет
Говорить — и бежит карандашик
Все вперед, и вперед, и вперед...

Сохранились традиции чтенья, —
Ленинградские дружбы прочны.
Вот опять лихорадят мгновенья,
И в душе надрыванье струны.

Призрак смерти далек и не страшен,
Мы беспечны за рюмкой вина,
Все бежит и бежит карандашик,
Все звучат и звучат имена.

* * *

Заочный друг, поэт из Ашхабада
Оставил без вниманья перевод,
Да и письмо мое ответа ждет,
Хотя уже ответа мне не надо.

Что происходит с нами? Суебой
Отговоримся иль недомоганьем,
Оставив без вниманья, за чертой
Чужие письма в клетках расстояний.

Я представляю, как его жена
Приносит плов и темного вина,

Как, занавесив белый свет коврами,
Он осушает молодость до дна,
Стихи шепча и плача временами.

Я представляю, как, еще джигит,
И в жилах кровь, и страсть в глазах кипит,
Летит в седле — успех не за горами...
И вот — совсем забыл, что знаменит, —
Сидит, завесив белый свет коврами.

Что происходит? Может, жду письма?
Нисколько, мне самой пора ответить
На деловые письма и весьма
Свои ответы следовало б взвесить.

Но, отключая телефон, сложив
В далекий ящик нынешнюю почту,
То новый слышу, то былой мотив
И, мужа не мешать мне попросив,
Как змейку, удержать пытаюсь строчку.
Что происходит с нами? Пренебречь
Друг другом можем, не моргнув глазами,
То не до писем нам, то не до встреч...
Ответь, мой друг, что происходит с нами?

* * *

День начался,
и был мне добрый знак,
Казалось, солнце рядом, в двух шагах.
Открой окно — и в комнату войдет,
И станет жизнь светлее, может быть.
Привыкла я: то загляну вперед,
То прошлое решу перекроить...
Две пропасти хочу соединить
И днем сегодняшним затягиваю нить.

В Комарово поехать — какая удача,
Там от воздуха пьяный.
И — возможно ль забыть? — там могила и дача
Ахматовой Анны.

Если вечером выйду навстречу закату
Прямо к кромке залива,
Не забуду, что этой дорогой когда-то
Шла она молчаливо.

Над могилой умоюсь слезою соленой,
По стихам затоскую...
И увижу ее над тетрадью склоненной —
Живую.

Скажите, любимые реки и звуки, смогу ли
Чего-то добиться иль дни мои в вас утонули?

Скажи мне, береза, скажи, дорогая сестрица,
Пожухла листва моих дней или вновь возродится?

И вы, мои близкие люди, душой не кривите,
Коль выпало счастье в одной оказаться орбите.

И ты, о душа моя, —
нету вернее поруки, —
В тебе мои люди, деревья, и реки, и звуки.

Да, жизнь еще полна,
еще до сердцевины,
До сущности вещей
так не легко дойти,
Деревни уголок,
деревья-исполины,
Дорога,
человек на ней
всегда в пути.
Так видится кусок
пространства.
Над полями
Стрекозы и шмели, и птицы тут и там.
Как светел мирный день,
заполненный трудами,
Где радость и беда
даются пополам.

Маме

Мама ты моя серебряная...
Отвечаешь мне: «Седая».
Мама ты моя серебряная,
А по сути — золотая.
Все, что в силах, я бы сделала,
Чтоб болеть ты перестала.
Мама, лебедь моя белая,
Боль моя, мое начало.
«Не особенная, средняя», —
Говоришь, судьбу латая.
Мама ты моя серебряная,
А по сути — золотая.

Ночная гостья — тишина.

Спит мама.

Ты рядом.

Так рука нежна

Твоя, любимый.

Проснулась музыка,

Вот-вот и разорвет

Окно и стены.

И снова тишина.

Круговорот

Дней года и ночей,

И постепенный

Из молодости

в зрелость переход.

Спит мама.

Ночные стоны

Стали надрывать

Ткань тишины.

Законы

Жизни

так понятны —

Из зрелости

она шагнула в старость.

Невероятны

Законы жизни.

Сколько нам осталось?

О, это тайна, тайная загадка...

Ночная гостья — тишина, тетрадка...

Спит мама.

О счастливый час покоя!

Ей снится юность,

Снится ей отец

В костюме довоенного покроя,

Овец
Пасущихся отары снятся
И птичий хор.
Зовет собака в дом,
знакомо лая,
И бабушка — такая молодая —
Спешит во двор.
Потом война.

Ночные.
Мама, спи...
У времени, увы, свои законы.
Когда звонок разбудит телефонный,
Ты легким шагом
В новый день вступи.
Пускай продлится переход последний,
Затянется.

Другая гостя ночи
и уйдет.
Оставит нас до времени, до срока.
Мы ничего не знаем наперед,
Известий на хвосте
не принесет сорока.

Пульс утра —
неритмичный —

54

ПЕРЕОЦЕНКА ЦЕННОСТЕЙ

Переоценка ценностей идет,
Смотрю на то, что в юности пленяло,
Как на еще зеленый плод,
В котором существа и вкуса мало.

Наоборот, что было далеко,
Казалось книгою закрытой,
Не опьяняло, не влекло, —
Теперь надеждой стало и защитой.

Быть может, опыт жизненный ценней,
А может, юность с легкостью суждений?..
Но жизнь идет,
и годы, как ступени,
Преодоленной лестницы твоей.

Быть может, через десять лет иной
Появится масштаб познания мира,
А нынешнее будет шуткой милой,
В сравнение с этой новой глубиной.

Возможно, что потом, в конце пути,
И жизнь самую оценим мы иначе.
Но в том и сложность нравственной задачи,
Чтоб в постижение мир приобрести.

НОВОГОДНЕЕ

Щедрым снегом Новый год отмечен.
Русская просторная зима,
И летят, летят обрывки речи
Новогодней ночи в закрома,

Черно-белый город — как на снимке,
Не страшны ему морщины дней.
Смена лет проходит по старинке,
Старше мы, но мир еще старей.

Так давайте, сколько б ни мелькало
Дней и лет, душою молодеть
В эту ночь, когда звенят бокалы
И еще не время умереть.

* * *

Год начался с отъездов, спешки, споров,
Ритм будней рвался.

Вновь вокзал, перрон..

Год начался и взял уже разгон,
Он, словно поезд, набирает скорость.

Год обрастает множеством забот,
Как человек в дороге — узелками.
Разлук и встреч

так много между нами,
А поезд жизни все идет, идет...

Нет ни депо, ни запасных путей,
И дни и ночи он идет...

Мы живы

В том поезде — с рожденья пассажиры,
С годами стук колес быстрее, быстрее...

Как будто учащенный пульс.

С разлук

Год начался.

Но встречи тем надежней,
Чем больше муки и тоски дорожной.

Круг жизни замкнут.

Начат новый круг.

Год начался...

* * *

Разрастается город,

о краин все больше, о краин...

Адреса записав,

мы не сразу находим друзей.

В безымянных, похожих

кварталах

подолгу блуждаем,

А прохожий не знает — левее тебе иль правей.

Разрастается город,

но тянутся прочные нити,

Расстоянья любые

связуют они без труда.

Близость родственных душ,

радость дружбы —

храните, храните...

Раздвигаются стены родные,

растут города.

СОДЕРЖАНИЕ

ДОВЕРЯЮ ТЕБЕ...

«Мы светим — и вся наша жизнь горяча...»	4
«Любимый мой, единственный мой город...»	4
«Глаза свои пытаюсь обуздать...»	5
«Тебе я поверяю город мой...»	5
«Есть единенье душ, и это больше...»	6
«Мой город, переживший ад...»	6
Комната	7
«Ты видел, как разводятся мосты?...»	8
«Нева окна почти касается...»	8
«Как легко — перейдешь через мост...»	8
«Нева, Нева! Стократ тебя воспели...»	9
«Со стапелей Балтийского завода...»	9
Дом	10
На улице детства	11
«Помню, в час беззаботный...»	12
«Как быть чему, того не миновать...»	13
«Легко затеряться в тумане...»	13
В библиотеке	14
«Даль замирала, как ладонь...»	15
«Станция, повизгивая, встретит...»	15
За городом	16
Мастер зимних пейзажей	16
«Тебя, как десять лет назад...»	17
«Нет в городе тебя...»	17
«Дорогой мой, знаю, не права...»	18
«Февральской оттепелью снега и дождя...»	19
«Над городом моим летит февраль...»	19
«Голое дерево ластится кожей ветвей...»	20
«Текут, текут мне улицы навстречу...»	20

- «Вот дерево, еще совсем нагое...» 21
 Портрет 21
 «Передай свое виденье нам...» 22
 «Дом, где сходятся друзья...» 23
 «В квадрат окна заключено пространство...» 23
 Невский проспект 24
 «Как мы молоды, свободны...» 25
 «Над темной водою канала...» 25
 «Годы — как проходные дворы...» 26
 «Моя подруга любит лошадей...» 26
 Дом ветеранов сцены 27
 «Эти встречи повторялись...» 28
 «Трудна задача жить легко...» 29
 «За праздничным столом...» 30

РАЗЛУК И ВСТРЕЧ ПЕЧАЛЬ И РАДОСТЬ...

- Осень 32
 «Осенью, когда оголены...» 33
 В Летнем саду 34
 «Приметы города знакомые...» 34
 «Я загораюсь только на мгновение...» 34
 «Ты не приехал, позабыл в два счета...» 35
 «Я тихо от тебя иду...» 35
 «Подумать только — ни следа любви...» 36
 «Никто не учил расставанью...» 36
 И если скажут вдруг друзья...» 36
 «С пятницы — пополам...» 37
 «Никогда, никогда уже больше тебя не увижу...» 38
 В дождь 38
 «Не стану о любви кричать...» 39
 Июль 39
 «Под Вологду, в Кирилловский район...» 40
 «В мой день рожденья целый день лило...» 40
 «Голоса дорогих мне людей...» 41
 «Старая шляпа отца изрядно потерта...» 41

- «Я отца похоронила...» 42
«Не то что детство — молодость уходит...» 43
«Покамест я в пыли библиотечной...» 43
«Мы выйдем из подъезда в город...» 44
«За шесть лет случайных встреч...» 44
«В том городе, где наши судьбы...» 45
«Как ты снишься мне!..» 45
«Слова, которые приберегала я...» 46
Вторая школа 47
Слушая стихи 48
«Сохранились традиции наши...» 49
«Заочный друг, поэт из Ашхабада...» 49
«День начался, и был мне добрый знак...» 50
«В Комарово поехать...» 51
«Скажите, любимые реки...» 51
«Да, жизнь еще полна...» 52
«Мама ты моя серебряная...» 52
«Ночная гостя — тишина...» 53
Переоценка ценностей 55
Новогоднее 55
«Год начался с отъездов, спешки, споров...» 56
«Разрастается город, окраин все больше, окраин...» 57

Наталья Ивановна Карпова

МОЙ ГОРОД

Книга стихов

Редактор С. В. Молева. Художники Е. М. Воробьева, М. Я. Соколова. Художественный редактор О. И. Маслаков.
Технический редактор Л. П. Никитина. Корректор Н. Б. Аба-
лакова.

ИБ № 1684

Сдано в набор 19 08 80. Подписано к печати 27.11.80. М-14477.
Формат 70×90^{1/32}. Бумага тип. № 2. Гарн. «Журнальная».
Печать высокая. Усл. печ. л. 2,19. Уч.-изд. л. 2,27. Тираж
10 000 экз. Заказ № 669. Цена 30 коп. Ордена Трудового
Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59.
Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Воло-
дарского Лениздата, 191023. Ленинград, Фонтанка, 57.

30 коп.

